

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
26 August 2020
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

**Мнения в отношении сообщения № 116/2017, принятые
Комитетом в соответствии с пунктом 3 статьи 7
Факультативного протокола****

<i>Сообщение представлено:</i>	С. Х. (представлена юридическим консультантом — организацией «ТРИАЛ Интернэшнл»)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Босния и Герцеговина
<i>Дата сообщения:</i>	27 января 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная информация:</i>	препровождена государству-участнику 10 апреля 2017 года (в виде документа не издавалась)
<i>Дата принятия мнений:</i>	9 июля 2020 года
<i>Тема сообщения:</i>	неспособность государства-участника принять надлежащие меры для своевременного и эффективного расследования случаев сексуального насилия; право на справедливую и адекватную компенсацию и поддержку
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты; «народная жалоба»
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2 а)–f), 3, 12, 13 а) и b) и 15 1)
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	2 и 4 2)

* Приняты Комитетом на его семьдесят шестой сессии (29 июня — 9 июля 2020 года).

** Следующие члены Комитета участвовали в рассмотрении данного сообщения: Хироко Акидзуки, Гладис Акоста Варгас, Николь Амелин, Тамадер Ар-Рамма, Гуннар Бергбю, Марион Бетель, Аиша Валь Верж, Наэла Мохамед Габр, Хилари Гбедема, Росарио Г. Манало, Лия Надарая, Аруна Деви Нараин, Ана Пелаес Нарваес, Бандана Рана, Рода Реддок, Эльгун Сафаров, Вэньянь Сун, Геновева Тишева, Франселин Тоэ-Буда, Нахла Хайдар, Луиза Шалаль и Эстер Эгобамьен-Мшелиа.

Обстоятельства дела

1. Автор сообщения — С.Х., гражданка Боснии и Герцеговины, хорватка по национальности. Автор является жертвой изнасилования, предположительно совершенного военнослужащим сил боснийских сербов в 1995 году во время конфликта в бывшей Югославии. Она утверждает, что государство-участник нарушило ее права, предусмотренные статьями 1, 2 а)–f), 3, 12, 13 а) и b) и 15 1) Конвенции. Конвенция и Факультативный протокол к ней вступили в силу для государства-участника 1 октября 1993 года и, соответственно, 4 декабря 2002 года. Автора представляет юридический консультант — неправительственная организация (НПО) «ТРИАЛ Интернэшнл».

Факты в изложении автора сообщения

2.1 В 1995 году автор жила с мужем в общине Приедор¹, Босния и Герцеговина, в деревне, с 1993 года оккупированной силами боснийских сербов (армия Республики Сербской, АРС)². 25 августа 1995 года около 17 ч 00 мин, когда автор была одна дома, в ее дом ворвались четыре вооруженных человека, одетые в предметы гражданской одежды и камуфляжной формы и вооруженные винтовками. Автор считает, что они были военнослужащими АРС³. Они обращались к ней в уничижительных выражениях, связанных с ее этнической принадлежностью, и похитили принадлежащие ей вещи. Затем трое из них вышли на улицу, а один остался в доме и приказал автору раздеться. Когда она отказалась это сделать, мужчина толкнул ее на диван и изнасиловал с вагинальным проникновением. Услышав снаружи выстрел, мужчины покинули дом, а автору удалось бежать в близлежащий лес. Она не рассказала об изнасиловании ни своей семье, ни соседям из-за испытываемого стыда.

2.2 В сентябре 1995 года автор в сопровождении своей невестки явилась в полицейский участок в Любии — городе, расположенном недалеко от Приедора, и сообщила об инциденте. Ей не удалось получить копию заявления, которое она подала в полицию, и никакого расследования по этому делу проведено не было.

2.3 В течение многих лет, даже после окончания войны в Боснии, автор не пыталась активно добиться рассмотрения своего дела из-за страха подвергнуться стигматизации и в надежде на то, что власти, наконец, проведут расследование по ее делу на основе ее первоначальной жалобы, поданной в 1995 году. Однако в 2008 году, когда она поинтересовалась в полицейском участке Любии о ходе расследования ее дела, ей сообщили, что материалы дела были сожжены через 10 лет после совершения преступления. Автор была потрясена этим ответом и решила обратиться в Центр социальной работы в Приедоре в поисках правосудия. Центр предоставил ей информацию о нескольких НПО. 6 ноября 2008 года автор представила подробную информацию о событиях 1995 года Ассоциации женщин — жертв войны. 26 января 2009 года Ассоциация, с согласия автора, подала ходатайство о возбуждении уголовного дела в Прокуратуру Боснии и Герцеговины.

2.4 Поскольку никакого очевидного прогресса в расследовании ее дела достигнуто не было, в период 2009–2014 годов автор неоднократно представляла свои заявления в полицейские участки в Любии и Приедоре, Прокуратуру Боснии и Герцеговины, институт Омбудсмена по правам человека Боснии и Герцеговины

¹ Сейчас находится в Республике Сербской, одном из образований Боснии и Герцеговины.

² Большинство жителей деревни были хорватами. Автор утверждает, что с начала оккупации военнослужащие АРС совершали в деревне изнасилования и акты сексуального насилия в контексте этнической чистки.

³ Автор пришла к этому заключению на том основании, что только военнослужащие АРС могли свободно передвигаться по деревне, находящейся под их контролем.

и районную прокуратуру в Баня-Луке. При том что большая часть корреспонденции осталась без ответа, она получила несколько ответов, в том числе из полицейского участка в Любии 17 сентября 2012 года и полицейского участка в Приедоре 4 декабря 2012 года, 16 января 2013 года и 17 февраля 2014 года. Однако в письме, полученном из полицейского участка Приедора в декабре 2012 года, автора информировали лишь о том, что по ее первоначальной жалобе, поданной в 1995 году, полицией не было проведено никакого расследования, а ее заявление не было зарегистрировано. В ответ на запрос Института Омбудсмана по правам человека Прокуратура информировала 1 февраля 2013 года, что расследование продолжается и что будут заслушаны свидетели и пострадавшая сторона. 19 марта 2014 года районная прокуратура в Баня-Луке проинформировала автора о том, что, поскольку дело было принято к производству в Прокуратуре Боснии и Герцеговины, районный прокурор не может предпринимать никаких действий, если дело не будет передано по решению суда⁴.

2.5 4 июня 2014 года автор подала апелляцию в Конституционный суд Боснии и Герцеговины, утверждая, что по ее делу не было проведено квалифицированного расследования и не было обеспечено судебного преследования виновных и что она не получила ни адекватной компенсации, ни возмещения⁵. 17 февраля 2016 года ее апелляция была отклонена как необоснованная. Конституционный суд постановил, что, учитывая обстоятельства, при которых были совершены преступления, и исключительные трудности, с которыми сталкиваются национальные органы власти при расследовании многих сложных преступлений, нельзя утверждать, что власти нарушают свои прямые обязательства. Суд признал, что процесс расследования был медленным и в основном безрезультатным, однако постановил, что это стало результатом исключительных обстоятельств, а не недостатка должного внимания со стороны властей. Со времени вынесения Судом своего решения с автором не связывались ни Прокуратура, ни какой-либо другой орган, уполномоченный расследовать ее жалобы.

2.6 Тем временем 9 августа 2012 года автор направила письменное ходатайство в Департамент по защите ветеранов войны и инвалидов общины Приедор с просьбой о регистрации в качестве гражданского лица, пострадавшего от вооруженного конфликта, что необходимо для получения социальной поддержки и помощи. Ее ходатайство было отклонено в связи с истечением срока давности, поскольку оно подлежало регистрации только до 31 декабря 2007 года. 3 сентября 2012 года автор подала апелляцию на это решение в Министерство труда и защиты ветеранов войны и инвалидов в Баня-Луке. 4 ноября 2015 года эта апелляция была также отклонена по причине истечения срока давности. 17 декабря 2015 года автор обжаловала это решение в районном суде в Баня-Луке, однако 24 июня 2016 года ее ходатайство было отклонено как необоснованное.

2.7 25 августа 2016 года автор подала жалобу в Конституционный суд Боснии и Герцеговины, утверждая, что необоснованный срок давности, предусмотренный в Законе о защите гражданских лиц, пострадавших во время войны в Республике Сербской, препятствует тому, чтобы она была признана и зарегистрирована в качестве гражданского лица, пострадавшего от вооруженного конфликта, и лишает ее права на получение пособий по социальному обеспечению, на которые она в противном случае имела бы право.

⁴ Аналогичные ответы были получены от Прокуратуры 31 июля 2014 года и из районного суда Баня-Луки 12 сентября 2014 года.

⁵ Несмотря на отсутствие оспариваемого судебного решения, в соответствии с правилами Конституционного суда автор смогла подать апелляцию, содержащую утверждения о серьезных нарушениях прав человека.

2.8 Инцидент, имевший место в 1995 году, причинил автору физические и психологические страдания. Изнасилование вызвало проблемы с щитовидной железой и серьезную инфекцию половых органов, но она не могла позволить себе соответствующее лечение из-за финансовых трудностей. По словам автора, в 2006 году у нее развилось заболевание шейки матки, а в 2012 году — рак шейки матки, в результате чего ей удалили шейку матки. Ей поставили диагноз депрессивное расстройство и постоянное изменение личности из-за травматичного опыта, который также повлиял на ее супружескую жизнь. Неспособность автора вступать в половую связь со своим мужем после изнасилования привела к их разводу в 2009 году. В настоящее время она живет за чертой бедности и не располагает достаточными ресурсами для удовлетворения основных потребностей и покрытия медицинских расходов.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что ее сообщение должно быть признано приемлемым. Хотя эти факты имели место до того, как Факультативный протокол вступил в силу для соответствующего государства-участника, предполагаемые нарушения носят непрерывный характер, а их последствия продолжаются с 4 декабря 2002 года в пределах юрисдикции государства-участника⁶. Таким образом, автор утверждает, что Комитет компетентен *ratione temporis* и *ratione loci* рассматривать настоящую жалобу.

3.2 Что касается пункта 1 статьи 4 Факультативного протокола, то автор утверждает, что она исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты. Автор отмечает, что, хотя она представила дело на рассмотрение Конституционного суда и несмотря на ее неоднократные просьбы и запросы, квалифицированного расследования проведено не было, не было возбуждено судебного преследования в отношении предполагаемых виновных, а ей не были предоставлены надлежащие средства правовой защиты. Она также отмечает, что находящаяся на рассмотрении Конституционного суда жалоба, касающаяся признания ее статуса в качестве гражданской жертвы вооруженного конфликта, не имеет никаких шансов на успех, поскольку этот суд регулярно выносит решения о неприемлемости всех жалоб по причине истечения срока давности⁷. Таким образом, она утверждает, что от нее нельзя разумно ожидать принятия каких-либо дальнейших мер на национальном уровне.

3.3 Автор утверждает, что стала жертвой продолжающейся неспособности государства-участника провести оперативное, эффективное и тщательное расследование ее жалобы об изнасиловании, из-за чего преступники остались безнаказанными, что представляет собой нарушение ее прав по статье 1, рассматриваемой совокупно со статьями 2 b), c), e) и f) и 3 Конвенции. Отказ в предоставлении ей доступа к информации о ходе расследования или своевременной

⁶ *С. В. П. против Болгарии* (CEDAW/C/53/D/31/2011). См. *А. Т. против Венгрии* (A/60/38, часть первая, приложение III), п. 8.5; *А. С. против Венгрии* (CEDAW/C/36/D/4/2004), п. 10.4; и *Кайхан против Турции* (A/61/38, часть первая, приложение I), п. 7.4. Автор ссылается также на ряд дел, рассмотренных Советом по правам человека и Европейским судом по правам человека, в частности дело *Palić v. Bosnia and Herzegovina* (application No. 4704/04), judgment of 15 February 2011.

⁷ *Венский центр защиты от бытового насилия и Ассоциация за предоставление женщинам доступа к средствам правовой защиты от имени Акбак и др. против Австрии* (CEDAW/C/39/D/6/2005), п. 11.3. См. также Комитет по правам человека, *Таригт и др. против Алжира* (CCPR/C/86/D/1085/2002), п. 7.3; и *Ван против Португалии* (CCPR/C/73/D/925/2000/Rev.1), п. 6.4.

возможности внести свой вклад в расследование, информировав о фактах, также является нарушением согласно этим статьям⁸.

3.4 Автор утверждает далее, что государство-участник нарушило ее права по пункту 1 статьи 15, рассматриваемому в совокупности с пунктами с) и е) статьи 2 Конвенции, не предоставив никакой адекватной компенсации или возмещения за причиненный ей ущерб.

3.5 Кроме того, автор утверждает, что ее права, вытекающие из статьи 1, рассматриваемой в совокупности со статьями 2 а) и с)–f), 3, 12 и 13 а) и b) Конвенции, также были нарушены дискриминационным и несовершеннолетним характером законодательства, в результате чего власти не признали и не зарегистрировали автора в качестве гражданского лица, пострадавшего от вооруженного конфликта. Автор утверждает, что она была лишена доступа к социальной помощи и пособиям, хотя она живет в крайней нищете и в тяжелых условиях.

3.6 В соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола автор требует полного возмещения причиненного ей ущерба, включая покрытие материального и морального ущерба и принятие ряда мер по возмещению ущерба с целью обеспечения реституции, реабилитации, сатисфакции (включая восстановление достоинства и репутации) и гарантий неповторения.

3.7 Автор отмечает, что события произошли в контексте широко распространенных изнасилований и сексуального насилия во время войны и что непроведение расследований и непривлечение к ответственности за эти тяжкие преступления, безнаказанность виновных и непредоставление адекватной компенсации жертвам носят систематический характер⁹.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и по существу сообщения

4.1 16 октября 2017 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и по существу сообщения.

4.2 Государство-участник утверждает, что сообщение следует признать неприемлемым как *actio popularis* (иск, поданный третьей стороной в интересах общественности в целом), в частности те его части, которые касаются общих жалоб относительно национального законодательства и внутренней судебной и административной практики. Государство-участник отмечает, что, представляя себя в качестве жертвы системных нарушений, автор должен или должна представить разумные и убедительные доказательства того, что фактическое или вероятное нарушение, затрагивающее его или ее лично, имело или будет иметь место, в

⁸ Автор утверждает, что женщины, которые установили личность насильников и готовы дать свидетельские показания, подвергаются еще большей стигматизации в связи с тем, что рассмотрение их дел может продолжаться в течение 15 лет.

⁹ В поддержку заявлений автора в сообщении приводятся ссылки на доклады и замечания Европейской комиссии, Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о сексуальном насилии в условиях конфликта, Комитета по правам человека, Комитета против пыток и Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

соответствии с международной судебной практикой¹⁰. Государство-участник утверждает, что автор не доказала, что она была лично затронута или являлась прямой или непосредственной жертвой несогласованности национальной правовой системы и административной и судебной практики. Государство-участник отмечает также, что дело автора по-прежнему является предметом текущего расследования или рассмотрения в национальных органах власти в рамках уголовного и административного разбирательства.

4.3 Что касается существования сообщения, то государство-участник утверждает, что компетентные органы на всех уровнях приложили значительные усилия для рассмотрения военных преступлений и привлечения виновных к ответственности. Государство-участник отмечает, что в 2008 году оно приняло национальную стратегию рассмотрения дел, касающихся военных преступлений, в соответствии с которой преследование по наиболее сложным и приоритетным делам, связанным с военными преступлениями, должно осуществляться в течение семи лет, а по другим делам, связанным с военными преступлениями, — в течение 15 лет¹¹. Государство-участник делает вывод о том, что, приняв эту стратегию, оно выполнило свое обязательство по рассмотрению военных преступлений в разумные сроки, свидетельством чего служит рассмотрение случаев сексуального насилия в военное время, имевших место в стране¹².

4.4 Государство-участник подчеркивает усилия и приверженность проведению расследования в связи с заявлением автора о сексуальном насилии, продемонстрированные соответствующими органами власти, несмотря на трудности, обусловленные большим числом дел, связанных с серьезными и массовыми нарушениями основных прав во время войны, сложностью рассматриваемого дела и прошедшим с момента инцидента временем¹³. Государство-участник отмечает, что дело автора было зарегистрировано, когда оно было подано в суд в 2009 году. Прокуратура расследовала ряд предполагаемых военных преступлений, совершенных в 1992–1995 годах в районе Приедора, включая дело автора. Однако даже после того, как были заслушаны автор и свидетели, доказательств, позволяющих установить личность преступников, оказалось недостаточно. 28 августа 2014 года прокуратура вынесла постановление, подписывающее

¹⁰ Государство-участник ссылается на дело *Senator Lines GmbH v. Austria, Belgium, Denmark, Finland, France, Germany, Greece, Ireland, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Portugal, Spain, Sweden and the United Kingdom* (заявление № 56672/00), решение от 10 марта 2004 года, в котором Европейский суд по правам человека постановил, что заявитель «должен представить обоснованные и убедительные доказательства вероятности того, что нарушение, которое затронет его лично, произойдет». См. также *European Court of Human Rights, Aksu v. Turkey* (applications Nos. 4149/04 and 41029/04), judgment of 15 March 2012, и *Burden v. United Kingdom* (application No. 13378/05), judgment of 29 April 2008, para. 33.

¹¹ Государство-участник утверждает, что Европейский суд по правам человека счел эти сроки разумными, а национальные власти приняли меры для их соблюдения (см. *Palić v. Bosnia and Herzegovina*, para. 51, и *Zuban and Hamidović v. Bosnia and Herzegovina* (applications Nos. 7175/06 and 8710/06), decision of 2 September 2014, paras. 21 and 23).

¹² См., например, *Прокуратура Боснии и Герцеговины против Веселина Влаховича*. Подробная информация об этом деле изложена ниже.

¹³ Государство-участник утверждает также, что международная судебная практика не возлагает на власти невозможного и несоразмерного бремени, когда возбуждается большое число дел о военных преступлениях и жертвы предстают перед национальными судами. См. *European Court of Human Rights, Osman v. United Kingdom* (application No. 87/1997/871/1083), judgment of 28 October 1998, para. 116, и *Palić v. Bosnia and Herzegovina* (application No. 4704/04), judgment of 15 February 2011. Государство-участник отмечает, что с 2016 года в стране увеличилось число дел, касающихся военных преступлений, связанных с сексуальным насилием. В феврале 2017 года на рассмотрении находилось 46 уголовных дел, по которым обвиняемым были предъявлены обвинения в сексуальном насилии, совершенном во время войны.

Государственному агентству по расследованиям и защите принять все необходимые меры для установления фактов и получения доказательств в целях установления личности преступника. В письме от 2 октября 2014 года автор выразила свое удовлетворение этими следственными действиями. Поэтому государство-участник утверждает, что заявление автора о том, что прокуратура и другие соответствующие органы власти не принимали активного участия в расследовании совершенного в отношении нее преступления, является необоснованным. Проводимые в настоящее время следственные действия были признаны Конституционным судом, который, таким образом, постановил, что заявление автора является необоснованным¹⁴.

4.5 Государство-участник заявляет также, что, хотя право потерпевших, их семей и правопреемников узнавать правду об обстоятельствах событий, приведших к грубым нарушениям основных прав, признается в международной юриспруденции, это не означает, что они могут изучать полицейские протоколы или копии всех документов или что с ними необходимо консультироваться по всем мерам, принимаемым в ходе расследования, или информировать их о фамилиях потенциальных подозреваемых¹⁵. Государство-участник утверждает, что в таком случае подозреваемые, которые могут быть невиновными, могли бы подвергаться стигматизации и испытывать негативные последствия таких расследований.

4.6 Что касается заявлений автора, касающихся признания ее статуса в качестве гражданской жертвы вооруженного конфликта и предоставления ей социальной поддержки и пособий¹⁶, то государство-участник отмечает, что это заявление автора повторно рассматривается административным органом. Государство-участник отмечает, что 17 февраля 2016 года Конституционный суд счел преждевременным утверждение автора о нарушении ее конституционных прав в результате отклонения компетентными органами ее заявления о предоставлении статуса гражданской жертвы вооруженного конфликта, поскольку автор подала административный иск в 2015 году. Государство-участник добавляет, что бесплатная юридическая помощь предоставляется в соответствии с принятым в 2016 году Законом о предоставлении бесплатной юридической помощи через учреждения, занимающиеся предоставлением бесплатной юридической помощи, и, таким образом, требование о возбуждении гражданского дела не является необоснованным или дискриминационным и не возлагает на автора чрезмерного бремени.

4.7 Учитывая тот факт, что жертва сексуального насилия особенно уязвима и может испытывать трудности с выполнением условий, необходимых для того, чтобы считаться гражданской жертвой вооруженного конфликта, государство-участник отмечает, что правительство Республики Сербской находится в процессе принятия законопроекта о защите жертв пыток в военное время, который смягчит эти условия и закрепит права жертв сексуального насилия на финансовую компенсацию, медицинскую и психологическую помощь, содействие с трудоустройством, юридическую помощь и освобождение от уплаты административных и судебных сборов.

4.8 Государство-участник отмечает также, что оно внесло поправки в свое уголовное законодательство и закон о защите свидетелей. Поправки, внесенные в Уголовный кодекс в 2016 году, включают определение преступления на почве

¹⁴ Государство-участник также отмечает, что расследование, проводимое прокуратурой, находится на заключительном этапе и что об этом факте было сообщено автору.

¹⁵ European Court of Human Rights, *Association "21 December 1989" and others v. Romania* (applications Nos. 33810/07 and 18817/08), judgment of 24 May 2011, para. 97.

¹⁶ См. статью 2 1) Закона о защите гражданских жертв войны в Республике Сербской.

ненависти и криминализацию сексуального насилия в соответствии с международными стандартами. Закон предусматривает соответствующие тюремные сроки за такие уголовные преступления, как изнасилование, совершенное на почве ненависти, или как военное преступление. Закон применяется ко всем делам о военных преступлениях в Боснии и Герцеговине, независимо от юрисдикции, в рамках которой ведется разбирательство (см. также CEDAW/C/VIH/6, п. 32). В соответствии с законодательством о правовой помощи жертвы имеют право на получение бесплатной юридической помощи. Судьи и прокуроры в обязательном порядке проходят систематическую подготовку по вопросам, касающимся мер защиты и поддержки жертв и свидетелей сексуального насилия, предусмотренных во внутреннем и международном законодательстве о гендерном равенстве.

4.9 Отмечая, что в соответствии с международным правом необходимо установить причинно-следственную связь между каким-либо событием и причиненным ущербом, государство-участник утверждает, что автор не смогла доказать, что заболевание, развившееся у нее в 2006 году, явилось прямым следствием данного события.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 19 марта 2018 года автор представила комментарии к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения.

5.2 Что касается утверждения государства-участника о том, что жалоба должна быть признана неприемлемой как *actio popularis*, то автор утверждает, что она не оспаривает законы или практику в абстрактной форме, а, напротив, утверждает, что тот или иной закон или практика непосредственно и лично ее затрагивают. Следовательно, сообщение следует признать приемлемым¹⁷. Автор утверждает, что, хотя она разъясняет правовую основу и соответствующую практику государства-участника в качестве общей справочной информации, такое описание применимого законодательства и краткое изложение существующих лазеек, выявленных международными органами, никоим образом не может рассматриваться как *actio popularis*. Автор вновь заявляет, что государство-участник не признало и не зарегистрировало ее в качестве гражданской жертвы вооруженного конфликта и лишило ее доступа к социальной поддержке и льготам в любой форме по причине несовершенного и дискриминационного законодательства. Таким образом, автор утверждает, что применение законодательства затронуло ее непосредственно и лично и что в основе ее жалобы лежит прямой и личный ущерб, от которого она пострадала.

5.3 Что касается существа сообщения, то автор опровергает заявления государства-участника по трем основным аспектам: а) доступ к информации о ходе расследования ее жалобы; б) проволочки в ходе расследования и его неэффективность, которые привели к тому, что автор не получила компенсацию; в) непризнание автора в качестве гражданской жертвы вооруженного конфликта и отказ в предоставлении ей социальной поддержки и льгот.

5.4 Что касается пункта а), то автор утверждает, что в период 2009–2017 годов она направила в различные органы власти страны по меньшей мере 18 писем, содержащих непосредственные запросы о предоставлении информации о ходе расследования ее дела. Пока большая часть этих писем остается без ответа. В тех немногих случаях, когда она получила ответ, представленная информация была недостаточной или даже носила противоречивый и неточный характер. Что

¹⁷ См. *Дера и другие против Франции* (CEDAW/C/44/D/13/2007).

касается письма автора в прокуратуру Боснии и Герцеговины, в котором, согласно утверждению государства-участника, автор сообщения выразила удовлетворение в связи с расследованием, то автор утверждает, что она из вежливости выразила лишь удовлетворение общего характера в связи с продолжением расследования, что не следует толковать в качестве свидетельства того, что она удовлетворена эффективностью расследования и взаимодействия с властями. В этом письме она также просила указать сроки проведения расследования и изъявила желание как можно более активно участвовать в процессе расследования. Автор утверждает, что тот факт, что эти просьбы остались без ответа, свидетельствует о безразличии прокуратуры Боснии и Герцеговины к страданиям автора.

5.5 Что касается подпункта b), то автор вновь заявляет, что полиция не предприняла никаких шагов для расследования ее первоначальной жалобы об изнасиловании, поданной в сентябре 1995 года. Когда она подала жалобу, полиция не пыталась выяснить подробности происшествия ни у нее, как у потерпевшей стороны, ни у каких-либо свидетелей. Никакого расследования на месте преступления или медицинского освидетельствования автора не проводилось. Кроме того, государство-участник проинформировало ее о том, что материалы дел, относящихся к этому периоду, были сожжены и информация о ее первоначальной жалобе отсутствует. Таким образом, в январе 2009 года автор была вынуждена подать «новую» жалобу.

5.6 Автор принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что его национальная правовая система лишь недавно стала способна рассматривать дела о военных преступлениях, в частности в рамках национальной стратегии рассмотрения дел, касающихся военных преступлений, цель которой заключается в обеспечении того, чтобы огромное количество нерассмотренных дел в стране было рассмотрено в установленные сроки. Вместе с тем автор утверждает, что стратегия реализуется с задержками, и ссылается на озабоченность, выраженную многочисленными международными органами по поводу несоблюдения государством-участником первоначальных сроков и целевых показателей, установленных в соответствии с ними, а также по поводу большого числа нерассмотренных дел¹⁸.

5.7 Что касается текущего расследования ее дела прокуратурой Боснии и Герцеговины, то автор считает бессмысленным заявление государства-участника о том, что оно ведет расследование событий, произошедших в Приедоре в период 1992–1995 годов, в то время как автор уже уточнила, что она была изнасилована в августе 1995 года. Она заявляет, что ни один из аргументов, приведенных государством-участником, не меняет того факта, что оно не приняло надлежащие меры для проведения расследования по ее делу и выявления, привлечения к ответственности и наказания виновных в ее изнасиловании более 20 лет спустя после того, как описанные события имели место, и более 9 лет спустя после подачи «новой» жалобы. Автор повторяет свое утверждение о том, что число преступлений, связанных с сексуальным насилием, которые были переданы в суд, остается низким и что безнаказанность за изнасилование в военное время

¹⁸ Автор ссылается на следующие документы: *CCPR/C/VIN/CO/3*, п. 13, *CAT/C/VIN/CO/6*, п. 16, и доклад о посещении страны, опубликованный в 2017 году Комиссаром по правам человека Совета Европы Нилсом Муйжниексом, в котором Комиссар выразил обеспокоенность в связи с тем, что по состоянию на декабрь 2016 года в государстве-участнике все еще не было рассмотрено 358 «наиболее сложных» и 357 «менее сложных» дел (CommDH(2017)28, п. 17). См. также Amnesty International, *We Need Support, Not Pity* (London, 2017), p. 22. Автор утверждает также, что, хотя государство-участник ссылается на один обвинительный приговор по делу о сексуальном насилии, совершенном во время конфликта, оно тем самым не демонстрирует эффективность национальной правовой системы в отношении рассмотрения дел о военных преступлениях.

по-прежнему широко распространена, в том числе в ее случае, что равносильно нарушению статьи 1, рассматриваемой в совокупности со статьями 2 b)-d), f) и 3 Конвенции.

5.8 Согласно заявлению автора, несмотря на упомянутые государством-участником поправки к уголовному законодательству, по ее мнению, никаких непосредственных или реальных шансов на предстоящее уголовное разбирательство в отношении лица, ответственного за ее изнасилование, нет, и ей не было предоставлено никакой реальной возможности получить компенсацию, равно как и не были приняты любые другие меры по возмещению причиненного ей ущерба. Автор утверждает, что данная ситуация представляет собой дополнительные нарушения государством-участником согласно пункту 1) статьи 15, рассматриваемому в совокупности с пунктами с) и е) статьи 2 Конвенции¹⁹.

5.9 Что касается пункта с), то автор вновь заявляет, что ее административный иск о признании в качестве гражданской жертвы вооруженного конфликта был отклонен районным судом Баня-Луки 24 июня 2016 года, о чем государство-участник не упоминает в своем замечании. Вследствие этого она не получила никаких пособий по социальному обеспечению и никакой поддержки и, таким образом, осталась в нищете, не имея средств для удовлетворения своих основных потребностей и покрытия медицинских расходов, что представляет собой нарушение статьи 1, рассматриваемой в совокупности со статьями 2 а) и с)–f), 3, 12 и 13 а) и b) Конвенции.

5.10 Автор отмечает также, что, как указывает государство-участник, жертвам изнасилований и других форм сексуального насилия во время конфликта трудно добиться признания их статуса или прав в соответствии с Законом о защите гражданских лиц, пострадавших во время войны, из-за условий, которые должны быть соблюдены. Она добавляет, что законопроект о защите жертв пыток в Республике Сербской не был принят²⁰.

5.11 Что касается утверждения государства-участника о том, что законом предусмотрено оказание бесплатной юридической помощи, то автор отмечает, что, хотя она и живет в крайней нищете, она не смогла воспользоваться юридической помощью какого-либо государственного учреждения и что судебные пошлины по ее делу не были отменены.

5.12 Автор отмечает также, что она доказала, что ее нынешнее состояние здоровья является следствием инцидента, произошедшего в 1995 году, представив медицинскую справку от 13 марта 2014 года, в которой подтверждается, что она страдает от множества гинекологических проблем и воспаления, которых ранее у нее диагностировано не было. Кроме того, автор утверждает, что государство-участник не упоминает о том, что в результате травматичных событий, которые пришлось пережить автору, ей был поставлен диагноз «депрессивное расстройство и постоянное изменение личности».

5.13 В свете вышеизложенного автор считает, что государство-участник не представило убедительных юридических аргументов против приемлемости ее жалобы и не оспорило надлежащим образом факты и существо дела, описанные и аргументированные автором в ее первоначальном сообщении. Таким образом,

¹⁹ Автор утверждает, что поправка к Уголовному кодексу, на которую ссылается государство-участник, в данном случае не имеет отношения к делу, поскольку Кодекс применяется только к делам, находящимся на рассмотрении Суда Боснии и Герцеговины. Автор добавляет, что судьи и прокуроры Республики Сербской не проходят никакой подготовки по вопросам сексуального насилия в связи с конфликтом.

²⁰ Впоследствии автор представила обновленную информацию о Законе о защите жертв пыток, который был принят в июне 2018 года (см. ниже).

она подтверждает свое заявление о том, что ее жалоба должна быть признана приемлемой и что государство-участник нарушает свои обязательства по вышеупомянутым статьям Конвенции.

Дополнительная информация, представленная автором сообщения

6.1 16 апреля 2019 года автор представил информационную записку, касающуюся актуального фактического события.

6.2 21 июня 2018 года Республика Сербская приняла Закон о защите жертв пыток. Он вступил в силу 5 октября 2018 года и предусматривает выплату ежемесячных пенсий по нетрудоспособности жертвам сексуального насилия, связанного с конфликтом.

6.3 17 декабря 2018 года автор обратилась в Департамент по защите ветеранов войны и инвалидов общины Приедор с ходатайством о признании ее статуса в качестве жертвы сексуального насилия, связанного с конфликтом.

6.4 8 февраля 2019 года Департамент вынес решение о признании ее статуса в качестве жертвы сексуального насилия, связанного с конфликтом, и о признании ее права на получение ежемесячной пенсии по нетрудоспособности в размере 130 марок (66,47 евро).

6.5 Несмотря на это, автор настаивает на своих заявлениях и правовых доводах. При том что ее статус жертвы сексуального насилия, связанного с конфликтом, был признан, размер назначенной ей ежемесячной пенсии ни в коем случае не может считаться пропорциональным тяжести преступления и причиненного ей вреда. Автор отмечает также, что размер пенсии носит дискриминационный характер, поскольку сумма выплат, назначаемых по аналогичным причинам в Федерации Боснии и Герцеговины, составляет приблизительно 580 марок (296,94 евро). Кроме того, в Республике Сербской пенсия по инвалидности, выплачиваемая жертвам сексуального насилия, как правило, ниже, чем пенсия, назначаемая жертвам других видов пыток (ежемесячная пенсия по инвалидности в соответствии с Законом о защите жертв пыток в Республике Сербской варьирует от 130 до 400 марок).

6.6 30 апреля 2020 года автор представила еще одну информационную записку, касающуюся событий, связанных с ее делом. Автор вновь заявляет о серьезных проволочках в процессе расследования преступлений, совершенных в ходе конфликта, и преследования виновных, а также о том, что цель завершения расследования и судебного преследования по наиболее сложным делам к концу 2015 года, в соответствии с национальной стратегией рассмотрения дел, касающихся военных преступлений, не была достигнута. В соответствии с пересмотренной стратегией было предложено поставить цель обеспечить рассмотрение наиболее сложных и приоритетных дел о военных преступлениях в Суде Боснии и Герцеговины и прокуратуре Боснии и Герцеговины до конца 2023 года, однако эта пересмотренная стратегия еще не принята.

6.7 19 апреля 2017 года Конституционный суд Боснии и Герцеговины отклонил жалобу, поданную автором 25 августа 2016 года в связи с ее ходатайством о предоставлении статуса гражданской жертвы вооруженного конфликта, объявив его необоснованным и, таким образом, неприемлемым. Суд отметил, что заявитель не соблюдал требования, касающиеся сроков давности, применимых в соответствии с Законом о защите гражданских жертв войны в Республике Сербской, и поэтому отклонил все жалобы, касающиеся предполагаемых нарушений.

6.8 6 марта 2020 года решением Департамента по защите ветеранов войны и инвалидов общины Приедор было удовлетворено ходатайство автора о получении пособий на медицинское обслуживание в соответствии с Законом о защите жертв пыток в Республике Сербской. Вместе с тем автор отмечает, что это не является мерой по возмещению ущерба в связи с перенесенными ею страданиями, поскольку это лишь позволяет ей, начиная с этого момента, получать доступ к обычной системе здравоохранения и не гарантирует, что она получит специализированную медицинскую и психологическую помощь.

6.9 Несмотря на то, что 8 февраля 2019 года автор была признана жертвой сексуального насилия, связанного с конфликтом, в соответствии с законом Республики Сербской, а 6 марта 2020 года ей было предоставлено право на получение пособий на медицинское обслуживание, она хотела бы, чтобы ее первоначальные заявления остались в силе, поскольку ее нынешний правовой статус не позволяет ей в полной мере оперативно получить справедливую и адекватную компенсацию или адекватную медицинскую и психологическую помощь.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости сообщения

7.1 В соответствии с правилом 64 своих правил процедуры Комитет должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу. Во исполнение правила 72 4) Комитет должен решить этот вопрос до рассмотрения сообщения по существу.

7.2 Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что жалоба автора представляет собой *actio popularis*, поскольку автор ставит под сомнение правовую систему в целом и в том виде, в каком она применима к другим лицам, а не отдельное нарушение, и что сообщение должно быть признано неприемлемым на этом основании. Комитет отмечает также, что, по мнению автора, разъяснение соответствующей правовой основы не превращает ее сообщение в *actio popularis*, особенно с учетом того, что она объясняет, каким образом законодательство влияет на нее лично и непосредственно. В этой связи Комитет напоминает о том, что статья 2 Факультативного протокола предусматривает, что сообщения могут направляться подпадающими под юрисдикцию государства-участника лицами, которые «утверждают, что они являются жертвами нарушения этим государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Конвенции» и что лицо может быть жертвой, только если оно действительно пострадало²¹. Вместе с тем никакое лицо не может абстрактно посредством *actio popularis* оспаривать закон или практику, которые, согласно утверждениям, противоречат Конвенции²². В данном случае Комитет отмечает, что автор представляет правовую основу только в качестве справочной информации, помогающей составить более полное представление о ее личной ситуации и о том, как она повлияла на ее претензии. Таким образом, Комитет считает, что сообщение не представляет собой *actio popularis* и что представленные факты не препятствуют Комитету объявить сообщение приемлемым в этом отношении.

7.3 Комитет напоминает о том, что в соответствии с пунктом 1 статьи 4 Факультативного протокола он не вправе рассматривать сообщение до тех пор, пока не удостоверится в том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны либо что применение таких средств защиты

²¹ См. *Омерудди-Чифра и другие против Маврикия* (CCPR/C/12/D/35/1978), п. 9.2, и *Дера и другие против Франции*, п. 10.5.

²² Там же.

неоправданно затягивается или вряд ли принесет искомый результат²³. Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что дело автора все еще находится на стадии расследования или рассмотрения национальными органами власти. Тем не менее Комитет принимает также к сведению утверждение автора о том, что она исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты, которые могли бы принести достаточное удовлетворение требований и применение которых не было бы неоправданно затянутым. По сообщению государства-участника, в 2009 году автор обратилась по данному делу в прокуратуру Боснии и Герцеговины, а 4 июня 2014 года подала апелляцию в Конституционный суд, который в своем постановлении от 17 февраля 2016 года также признал, что «процесс расследования был медленным и в основном безрезультатным».

7.4 Комитет отмечает также, что 30 апреля 2020 года была представлена дополнительная информация автора, указывающая на то, что Конституционный суд отклонил жалобу автора, касающуюся ее заявления о предоставлении ей статуса гражданской жертвы вооруженного конфликта в соответствии с законом. Хотя 8 февраля 2019 года автор получила статус жертвы сексуального насилия, связанного с конфликтом, в соответствии с законодательством Республики Сербской, Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что размер назначенной ей пенсии не соразмерен тяжести преступления и причиненного ей вреда и, таким образом, искомый результат достигнут не полностью.

7.5 В отсутствие разъяснений со стороны государства-участника о том, каким образом будет исключена вероятность дальнейших проволочек и каким образом предусмотренные этими законами процедуры были бы эффективными в обеспечении соблюдения прав автора, Комитет приходит к выводу о том, что применение внутренних средств правовой защиты, на которые ссылается государство-участник, было неоправданно затянуто и вряд ли принесло бы автору искомый результат. Следовательно, положения пункта 1 статьи 4 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению Комитетом настоящего сообщения.

7.6 В соответствии со статьей 4 2) е) Факультативного протокола Комитет объявляет сообщение неприемлемым в том случае, если факты, являющиеся предметом сообщения, имели место до вступления в силу Протокола для соответствующего государства-участника, за исключением тех случаев, когда эти факты имели место и после этой даты²⁴. В этой связи Комитет отмечает, что, хотя предполагаемое преступление, жертвой которого стала автор, произошло в 1995 году, до даты вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, решение прокуратуры Боснии и Герцеговины начать уголовное расследование утверждений о военных преступлениях было принято после 2009 года, т. е. после того, как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника. Таким образом, предполагаемое невыполнение государством-участником своих обязательств по предоставлению заявителю возмещения и обладающего искомой силой права на справедливую и адекватную компенсацию произошло после признания государством-участником компетенции Комитета в соответствии с Факультативным протоколом. Комитет далее отмечает, что государство-участник не оспаривает компетенцию Комитета *ratione temporis*. В этих обстоятельствах Комитет считает, что принцип *ratione temporis* не препятствует тому, чтобы он рассмотрел утверждения заявителя о нарушении ее прав в соответствии с пунктом 2 е) статьи 4 Факультативного протокола.

²³ Э. С. и С. Ч. против Объединенной Республики Танзания (CEDAW/C/60/D/48/2013), п. 6.3; и Л. Р. против Республики Молдова (CEDAW/C/66/D/58/2013), п. 12.2.

²⁴ См. *Кайхан против Турции* (CEDAW/C/34/D/8/2005), п. 7.4.

7.7 Не усмотрев никаких препятствий для признания приемлемости сообщения, Комитет приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему автором и государством-участником, как это предусмотрено пунктом 1 статьи 7 Факультативного протокола.

8.2 Комитет отмечает, что государство-участник приняло меры по обеспечению защиты от связанного с конфликтом гендерного насилия в рамках своей национальной стратегии рассмотрения дел, касающихся военных преступлений, а также недавно принятого Закона о защите жертв пыток в Республике Сербской. Однако для того, чтобы автор могла на практике реализовать принцип равенства между женщинами и мужчинами и свои права человека и основные свободы, политическая воля, выраженная в этом законе, должна опираться на поддержку всех государственных субъектов и органов, на которые распространяются обязанности государства-участника.

8.3 Комитет напоминает, что гендерное насилие в отношении женщин, затрудняющее или сводящее на нет пользование женщинами правами человека и основными свободами в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека, является дискриминацией по смыслу статьи 1 Конвенции²⁵. В рамках обязательства проявлять должную заботу, в том числе в частной сфере, государства-участники обязаны вводить в действие и осуществлять на практике конституционные и законодательные меры по борьбе с гендерным насилием в отношении женщин, совершаемым негосударственными субъектами (в том числе в сфере частной жизни), включая принятие законов и создание учреждений и системы для борьбы с таким насилием, а также обеспечение их эффективного функционирования на практике и поддержки со стороны всех государственных субъектов и органов, обеспечивающих надлежащее соблюдение законов. Если государство-участник не принимает все надлежащие меры для предотвращения актов гендерного насилия в отношении женщин в тех случаях, когда его органы власти знают или должны знать о существовании риска такого насилия, или не проводит расследования, не привлекает к ответственности и не наказывает виновных и не возмещает ущерб жертвам и пострадавшим от таких действий, то оно тем самым дает молчаливое согласие на совершение актов гендерного насилия в отношении женщин или поощряет их. Такая пассивность и такое бездействие составляют нарушение прав человека²⁶. В этой связи Комитет вновь заявляет, что гендерное насилие в отношении женщин при определенных обстоятельствах может быть равносильно пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, в том числе в случае таких военных преступлений, как изнасилование, которое также может представлять собой международное преступление²⁷.

²⁵ См. также общую рекомендацию № 19 (1992) о насилии в отношении женщин (HRI/GEN/1/Rev.8, с. 302) и общую рекомендацию № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенную для обновления общей рекомендации № 19 (CEDAW/C/GC/35). См. также общую рекомендацию № 30 (2013), касающуюся положения женщин в условиях предотвращения конфликтов, в конфликтных и постконфликтных ситуациях (CEDAW/C/GC/30) и общую рекомендацию № 33 (2015), касающуюся доступа женщин к правосудию (CEDAW/C/GC/33), а также соответствующие резолюции Совета Безопасности о женщинах и мире и безопасности, в частности резолюцию 1325 (2000).

²⁶ Общая рекомендация № 35, п. 24 b).

²⁷ См. общую рекомендацию № 35, п. 16; доклады Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (A/HRC/31/57 и A/HRC/7/3, п. 36); заключительные замечания Комитета

8.4 Что касается заявления автора о том, что государство-участник не предоставило ей доступа к информации о ходе расследования, то Комитет напоминает, что государства-участники должны принять соответствующие меры для создания благоприятных условий, побуждающих женщин отстаивать свои права, сообщать о совершенных против них преступлениях и активно участвовать в уголовном судопроизводстве²⁸. Комитет отмечает заявление государства-участника о том, что потерпевшая сторона не может быть допущена к тщательному изучению полицейского досье или копий всех документов, равно как и не может быть ознакомлена с каждой мерой, принятой в ходе расследования, или именами потенциальных подозреваемых, или информирована о них, поскольку это может отрицательно сказаться на возможных подозреваемых, их семьях и соответствующих сторонах. Комитет отмечает также, что, согласно заявлению автора, многие из ее писем, направленных властям в период 2009–2017 годов, остались без ответа или что предоставленная информация носила неточный, отвлеченный или даже противоречивый характер. На основе представленной информации Комитет считает, что автор не обращалась с просьбой ознакомиться со всеми материалами расследования или именами возможных преступников. Вместо этого она запрашивала обычную информацию о ходе и результатах расследования, проводимого прокуратурой, о том, планируется ли начать судебное разбирательство, и, по возможности, о соответствующих сроках. Вероятно, ей потребуются также любое разумное и конкретное объяснение задержек в проведении расследования, с тем чтобы она могла любыми возможными средствами способствовать ускорению процесса. Комитет отмечает, что в этом контексте государство-участник могло бы предоставить автору информацию общего характера о ходе расследования, сделав это более точно, своевременно и адресно и не раскрывая при этом конфиденциальной информации. Поэтому Комитет делает вывод о том, что государство-участник не выполнило свои обязательства согласно статьям 2 b), c) e) и f) и 3 Конвенции.

8.5 Что касается заявления автора о том, что медленные темпы и низкая эффективность расследования ее дела равнозначны нарушению статьи 1, рассматриваемой в совокупности со статьями 2 b)–d) и f) и 3 Конвенции, и что непредоставление ей компенсации равнозначно нарушению пункта 1 статьи 15, рассматриваемого в совокупности со статьей 2 c) и e) Конвенции, то Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что оно сделало все возможное, несмотря на большой объем дел, связанных с насилием в военное время, сложность дела автора и период времени, прошедший с момента этого инцидента. Вместе с тем Комитет отмечает также, что по ее первоначальному заявлению, поданному в полицию в 1995 году, расследования проведено не было, и оно не было зарегистрировано, и что спустя более 10 лет после того, как автор подала свою жалобу в 2006 году, дело все еще не было рассмотрено судом. В этом контексте Комитет ссылается на пункт 51 своей общей рекомендации № 33 (2015) о доступе женщин к правосудию (CEDAW/C/GC/33), в котором он рекомендует государствам-участникам принять меры по обеспечению того, чтобы заявления женщин о выдаче охранных предписаний рассматривались без

против попыток по периодическим докладам, представленным ему Бурунди (CAT/C/BDI/CO/1), Гайаной (CAT/C/GUY/CO/1), Мексикой (CAT/C/MEX/CO/4), Перу (CAT/C/PER/CO/5-6), Сенегалом (CAT/C/SEN/CO/3), Таджикистаном (CAT/C/TJK/CO/2) и Того (CAT/C/TGO/CO/1); Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 28 (2000) о равноправии мужчин и женщин (HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol.I), с. 228); заключительные замечания Комитета по правам человека по периодическим докладам, представленным ему Словакией (CCPR/CO/78/SVK), Японией (CCPR/C/79/Add.102) и Перу (CCPR/CO/70/PER); Римский статут Международного уголовного суда, ст. 7 1) g), 8 2) b) xxii) и 8 2) e) vi).

²⁸ См. общую рекомендацию № 33, пп. 11 и 51.

излишних проволочек и чтобы все дела по обвинению в гендерной дискриминации, подпадающие под действие норм уголовного права, включая дела, связанные с применением насилия, заслушивались своевременно и непредвзято. Комитет ссылается также на пункт 19 своей общей рекомендации № 33, в котором он рекомендует государствам-участникам обеспечивать, чтобы правовая защита была адекватной, эффективной, оперативной, всеохватной и соразмерной тяжести причиненного ущерба. В зависимости от обстоятельств, средства правовой защиты должны включать реституцию (восстановление в правах), компенсацию (в виде денег, товаров или услуг) и реабилитацию (оказание медицинской и психологической помощи и оказание других социальных услуг). Средства возмещения гражданского ущерба и меры уголовного наказания не должны быть взаимоисключающими. Комитет ссылается на свои заключительные замечания по шестому периодическому докладу государства-участника ([CEDAW/C/BIH/CO/6](#)), в которых он рекомендовал государству-участнику повысить осведомленность женщин, особенно женщин, находящихся в неблагоприятном положении, и женщин, пострадавших от сексуального насилия в военное время, об их правах по Конвенции и существующих средствах правовой защиты, позволяющих им осуществлять эти права (п. 14), с озабоченностью отметил медленные темпы осуществления мероприятий по судебному преследованию виновных в военных преступлениях, в том числе в сексуальных преступлениях (п. 15), и настоятельно призвал государство-участник ускорить вынесение судебных решений по делам, связанным с сексуальными преступлениями, совершенными во время конфликта 1990-х годов (п. 16).

8.6 В свете представленных ему фактов Комитет считает, что проволочки и отсутствие эффективного и своевременного расследования равнозначны нарушению статьи 1, рассматриваемой в совокупности со статьями 2 b)–d) и f) и 3 Конвенции. Комитет отмечает также, что тот факт, что государство-участник не предоставило автору адекватную, эффективную, оперативную компенсацию и возмещение причиненного ей вследствие этого ущерба приводит к нарушению пункта 1 статьи 15, рассматриваемого в совокупности с пунктами c) и e) статьи 2 Конвенции.

8.7 В отношении заявления автора о том, что непризнание ее государством-участником в качестве гражданского лица, пострадавшего от вооруженного конфликта, и отказ в предоставлении ей социальной поддержки и льгот являются нарушением статьи 1, рассматриваемой в совокупности со статьями 2 a) и c)–f), 3, 12 и 13 a) и b) Конвенции, Комитет ссылается на свои заключительные замечания по шестому периодическому докладу государства-участника ([CEDAW/C/BIH/CO/6](#)), в которых он с обеспокоенностью отметил ограниченность поддержки и помощи, предоставляемых пострадавшим в результате военных преступлений и очевидцам таких преступлений, а также отсутствие механизмов возмещения ущерба пострадавшим (п. 15) и рекомендовал государству-члену создать фонд, предназначенный для выплаты компенсаций и возмещения в других формах ущерба, причиненного женщинам в результате военных преступлений (п. 16). В этой связи Комитет ссылается также на заключительные замечания Комитета против попыток по шестому периодическому докладу государства-участника ([CAT/C/BIH/CO/6](#)), в которых он выражает свою серьезную обеспокоенность по поводу длительной задержки с разработкой соответствующих законодательства и стратегий, а также сожаление в связи с тем, что отсутствие национального механизма возмещения ущерба заставляя жертв военных преступлений, особенно лиц, пострадавших от сексуального насилия во время войны, опираться на сложные и длительные процедуры на уровне государственных образований с целью получения ограниченной помощи, включая пособия по социальному обеспечению (п. 18). Комитет против попыток напоминает также,

что государства-участники обязаны предоставлять возмещение жертвам пыток с процедурной и материально-правовой точки зрения²⁹. Для выполнения своих процедурных обязательств государства-участники вводят в действие законы и учреждают механизмы для рассмотрения жалоб, а также обеспечивают эффективность и доступность этих механизмов для всех жертв³⁰. Комитет против пыток напоминает, что, поскольку последствия применения пыток носят долговременный характер, следует не допускать применения законов об исковой давности, поскольку они лишают жертв положенных им возмещения, компенсации и реабилитации³¹. Комитет против пыток настоятельно призвал государство-участник принять все необходимые меры для того, чтобы жертвы пыток и жестокого обращения, включая лиц, пострадавших от сексуального насилия во время войны, могли осуществлять свое право на возмещение (там же, п. 19). Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин считает, что возмещение, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию, должно охватывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать меры, способные гарантировать невозможность повторения нарушений, — с обязательным учетом обстоятельств каждого дела.

8.8 Комитет отмечает, что в рассматриваемом случае срок подачи ходатайств автора о возмещении ущерба истек. Комитет отмечает, что, хотя в феврале 2019 года автору был предоставлен статус жертвы сексуального насилия и ей была назначена ежемесячная пенсия по инвалидности в размере 130 марок (66,47 евро) в соответствии с новым Законом о защите жертв пыток в Республике Сербской, государство-участник, тем не менее, не предоставило ей статуса жертвы своевременно, а размер пенсии автора не соизмерим с понесенным ею ущербом, включающим серьезный физический вред, в том числе последствия для ее сексуального и репродуктивного здоровья и прав, а также психологическое воздействие, материальный ущерб и общественное осуждение. Кроме того, хотя Комитет отмечает, что государство-участник утверждает, что поправки к процедуре уголовного судопроизводства предусматривают предоставление адекватной компенсации, действие этого положения Уголовного кодекса не распространяется на автора, поскольку уголовное дело, возбужденное в связи с произошедшим с ней инцидентом, до сих пор, несмотря на ее неоднократные просьбы, не рассмотрено в суде. Учитывая серьезный характер акта гендерного насилия, которому подверглась автор сообщения, и ее право на реституцию, компенсацию и реабилитацию, а также учитывая отсутствие какой-либо возможности обеспечить максимально полное осуществление ее права, Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 1, рассматриваемой в совокупности со статьями 2 а) и с)–f), 3, 12 и 13 а) и b) Конвенции.

9. Действуя в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола и с учетом вышеизложенных соображений, Комитет полагает, что государство-участник не выполнило своих обязательств и тем самым нарушило права автора, предусмотренные статьями 2 а)–f), 3, 12, 13 а) и b) и 15 1) Конвенции, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1 Конвенции.

10. Комитет выносит государству-участнику следующие рекомендации:

- а) в отношении автора сообщения:

²⁹ См. также Комитет против пыток, замечание общего порядка № 3 (2012) об осуществлении статьи 14 (CAT/C/GC/3), п. 5; и *A против Боснии и Герцеговины* (CAT/C/67/D/854/2017), п. 7.5.

³⁰ См. Комитет против пыток, замечание общего порядка № 3.

³¹ Там же, п. 40.

- i) незамедлительно принять эффективные меры для обеспечения того, чтобы по делу автора было проведено оперативное, беспристрастное и эффективное расследование и чтобы обвиняемые были привлечены к ответственности и, в случае признания их виновными, приговорены к наказанию, соразмерному тяжести их деяний;
- ii) обеспечить, чтобы автору по возможности предоставлялась своевременная и адекватная информация о ходе расследования, проводимого прокуратурой, его результатах и любом предстоящем судебном разбирательстве, в соответствии с принципами, изложенными в общей рекомендации № 33 Комитета;
- iii) обеспечить, чтобы автор получила полное возмещение, включая компенсацию материального и морального ущерба за причиненный ей вред, а также реституцию, реабилитацию и сатисфакцию, включая меры по восстановлению ее достоинства и репутации, что включает в себя оказание бесплатной юридической помощи и выплату финансовой компенсации, соразмерной причиненному ей физическому, психологическому и материальному ущербу и тяжести нарушений ее прав.
- b) в целом:
- i) оперативно, тщательно, беспристрастно и серьезно расследовать все заявления о гендерном насилии в отношении женщин, особенно когда речь идет о военных преступлениях, включая изнасилования и сексуальное насилие; обеспечить возбуждение уголовных дел во всех таких случаях, своевременно и быстро привлекать предполагаемых правонарушителей к ответственности, руководствуясь принципами справедливости и беспристрастности, а в случае признания их виновными гарантировать вынесение им приговора, соразмерного тяжести совершенных ими деяний;
- ii) предоставить жертвам гендерного насилия в отношении женщин, особенно военных преступлений, включая изнасилования и сексуальное насилие, безопасный и незамедлительный доступ к правосудию, включая, при необходимости, бесплатную юридическую помощь, и обеспечить, чтобы они были проинформированы о ходе расследования выдвинутых ими обвинений в соответствии с принципами, изложенными в общей рекомендации № 33 Комитета;
- iii) обеспечить принятие законодательных мер, гарантирующих, что осужденные за военные преступления не будут освобождены от наказания, в том числе путем обычного сокращения сроков наказания и замены тюремного заключения штрафами;
- iv) создать эффективную общенациональную систему возмещения ущерба для обеспечения всех форм возмещения ущерба жертвам военных преступлений, включая сексуальное насилие, предоставив им равный доступ к пособиям по социальному обеспечению и другим вариантам помощи, на которые они имеют право;
- v) обеспечить, чтобы власти на уровне образований исключили из своего законодательства и политики ограничительные и дискриминационные положения, касающиеся возмещения ущерба гражданским жертвам войны, в том числе жертвам сексуального насилия в военное время;
- vi) без промедления принять пересмотренную национальную стратегию рассмотрения дел, касающихся военных преступлений, в которой предусматривается, что судебные разбирательства по всем делам, касающимся военных преступлений, должны быть завершены к концу 2023 года, с целью ускорить вынесение судебных решений по делам, связанным с

сексуальными преступлениями, совершенными во время конфликта 1990-х годов;

vii) создать фонд, предназначенный для выплаты компенсаций и возмещения в других формах ущерба, причиненного женщинам в результате военных преступлений;

viii) обеспечить своевременную подготовку судей, юристов, сотрудников правоохранительных органов, административного персонала и социальных работников с учетом гендерной проблематики по вопросам, касающимся применения международных стандартов, регулирующих борьбу с гендерным насилием в отношении женщин, а также Конвенции, Факультативного протокола к ней и правовой практики и общих рекомендаций Комитета, в частности общей рекомендации № 19 (1992) о насилии в отношении женщин (HRI/GEN/1/Rev.8), общей рекомендации № 30 (2013), касающейся положения женщин в условиях предотвращения конфликтов, в конфликтных и постконфликтных ситуациях (CEDAW/C/GC/30), общей рекомендации № 33 и общей рекомендации № 35 (2017) о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенной для обновления общей рекомендации № 19 (CEDAW/C/GC/35);

ix) унифицировать законодательство о военных преступлениях на всей территории государства-участника и обеспечить его последовательное применение в соответствии с Конвенцией и другими международными стандартами, включая Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (Стамбульская конвенция);

x) оперативно выполнить рекомендации Комитета, в частности те, которые касаются борьбы с насилием в отношении женщин и содержатся в его заключительных замечаниях по шестому периодическому докладу Боснии и Герцеговины (CEDAW/C/BIH/CO/6).

11. В соответствии с пунктом 4 статьи 7 Факультативного протокола государство-участник надлежащим образом рассматривает мнения Комитета вместе с его рекомендациями и представляет Комитету в течение шести месяцев письменный ответ, в том числе информацию о любых мерах, принятых с учетом этих мнений и рекомендаций. Государству-участнику предлагается опубликовать информацию о мнениях и рекомендациях Комитета и обеспечить их широкое распространение, с тем чтобы ознакомить с ними все слои общества.